ЯЗЫК СМИ

В.Н. Суздальцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА И КАК ИМИДЖЕВЫЙ КОНСТРУКТ

В статье рассматриваются широко используемые в современном политическом и массмедийном дискурсе исторические наименования (обозначения, имена лиц, событий и т.д., относящиеся к истории России). Эти слова образуют еще один, кроме уже указанных в современной литературе, культурный код — событийно-исторический. Определяются разряды компонентов этого кода и выявляются механизмы его воздействия на аудиторию. Устанавливается связь между компонентами кода и общенациональной матрицей восприятия и оценки истории. Анализируются имиджетворческие возможности входящих в событийно-исторический культурный код знаков.

Ключевые слова: *культурный код, исторические наименования, событийно-исторический культурный код, ассоциативно-вербальная сеть, архетипические реакции, матрица восприятия, имиджевый конструкт.*

The historical appellations as cultural code's components and image construct. The article reviews historical appellations (names of the streets, events, etc. concerning the History of Russia) widely used in the modern media discourse. These appellations form one more (except those already mentioned in modern literature) event- historical cultural code. It is oriented to settle the components' ranks and to detect the mechanics of their influence on the audience. It is a settlement of the connection between the components of the code and national matrix of history perception and evaluation. The image creation possibilities of the signs within the event-historical code are the subject of the analysis.

Key words: *cultural code, historical appellations, event-historical cultural code, associative-verbal net, archetypical reactions, matrix of the perception, image construct.*

Одна из черт современного массмедийного дискурса — частотность употребления в нем **исторических наименований** и **исторических имен**, т.е. слов, которые называют явления, факты, относящиеся к истории России. Это и обозначения связанных с прошлым предметов, и имена выдающихся деятелей истории, и названия знаменательных событий и периодов, и т.д. Многие из них обрели в российском культурном пространстве статус прецедентных и стали применяться как метафорические образно-оценочные характеристики явлений современности, чаще всего — когда речь идет о власти, ее представителях, ее действиях. Например:

— *Империя, имперский:* «*Солдат империи*» — об Александре Проханове (радио РСН, янв. 2010), «Мы сформулировали концепцию *Пятой Империи*, нового государства Российского» (А. Проханов, Завтра, февр. 2009, № 7); «*Имперский стиль*» (назв. полосы этой же газеты);

— *Царь, царство, самодержец:* «*Царь* против наркотиков» (загол., Вр. нов., 14.09.10); «"Антинаркотический *царь*" — так в зарубежной прессе называют должность, которую занял 63-летний Юрий Федотов. Он стал первым российским дипломатом, возглавившим Управление ООН по наркотикам и преступности» (там же); «С *царем* — в демократию» (М. Веллер, загол. — АиФ, 2008, № 12); «*Царь* или президент?» (там же); «Давос выбрал Путина на "*царство*"» (Арг. нед., 22—28.01.09) — о вступительной речи, которой В.В. Путин открыл заседание Всемирного экономического форума в Давосе; «*Царь* Борис» (о Б.Н. Ельцине — загол., Профиль, 20.04.09); «Но и окруженный жилыми многоэтажками, заповедный лес по-прежнему хранит множество удивительных подробностей из жизни советского *самодержца*» (о Сталине — АиФ, 2010, № 9);

— *Князья, бояре, воеводы, опричники:* «*Князья* и *опричники*» (загол., Нов. газ., 07—10.08, 2003 — о взаимоотношениях власти и бизнеса в провинции); «Какой народ, такие и *бояре*» (загол., Общ. газ., 2000); «Что остается? *Царь!!!* Строгий и справедливый! Который скрутит *бояр* в бараний рог... заставит всех честно трудиться и позаботится, чтобы честные работники хорошо жили. Назови его Президентом, Генсеком!...» (АиФ, 2008, № 12);

— *Варяги:* «*Варяги* улетели: Как новые губернаторы меняют чиновников» (о замене в Калининградской области приехавших из Москвы чиновников местными чиновниками — РР, 2010, 21—28.10. С. 36—37); «*Варяг* по отношению к новой московской элите» («Постскриптум» с А. Пушковым — ТВЦ, 16.10.10) — о С. Собянине;

— *Трон, престол, булава:* «Губернатор, назначенный сверху, он является представителем власти в регионе, а не предстоятелем перед *высшим троном*» (радио Свобода, 26.01.10); см. также о проблемах оборонного комплекса: «"*Воевода*" без "*Булавы*"» (загол., Вр. нов., 25.12.09);

— *Временное правительство, двоевластие, эсеры, Совнарком:* «Будет ли в России *двоевластие*?» (загол., Мир новостей, 01.04.08); «*Двоевластия* не будет: Владимир Путин дал согласие стать премьер-министром (загол. и подзагол., РБК daily, 18.12.07); «Путинский *Совнарком*: Премьер поручит решение текущих проблем доверенным министрам» (загол. и подзагол., РБК daily, 16.05.08); «...Владимир Путин предложил создать президиум правительства... Всего членов "малого *совнаркома*" будет 10—15» (Нов. Изв., 16.05.08); «... *эсеры* предложили ежегодно индексировать зарплаты работников бюджетной сферы на 26%» (Вр. нов., 24.09.08);

— *Комиссары, буденновцы, по-буденновски, ворошиловские стрелки, стахановцы:* «Коррупцию убьют “*комиссары*”? Говорят, изобличать нечистых на руку чиновников будут специальные комиссии. А кто в них войдет?» (АиФ, 2010, № 28); «Этот вопрос нельзя решать *по-буденновски*, — заявил “МК” Песков» (МК, 19.07.10); «Они [бюрократы. — *В.С.*] бесчувственны к плачу, слепы к чужой беде, ненасытны в корысти. ...Новые “*стахановцы*” поборов и волокиты, они подстерегают нас на каждом шагу» (АиФ, 2010, № 28); «Пресса много писала о том, что отчаявшиеся найти правовую защиту граждане уже готовы записывать бандитов в “приморские партизаны”, в Робин Гудов и в “*ворошиловские стрелки*”» (там же);

— *Оттепель:* «Так, “самой модной” у “вылетевших из седла” стала тема борьбы с “*оттепелью*”» (МК, 04.04.08); «*Оттепель* перед смутой» (загол., Вр. нов., 25.12.09 — о попытке провести либеральные реформы в России в 2004 г.);

— *Петр Первый, Павел Первый, Екатерина Вторая, Богдан Хмельницкий, Владимир Красное Солнышко, Романовы, Ленин, Сталин* и др.: «Скорее *Павел*, чем *Петр* (загол., Нов. газ, 2004, № 8 — о В.В. Путине); «Москва ищет нового *Богдана Хмельницкого*» (Арг. нед., 05.02.09); «*Екатерина Третья*» (назв. ТВ-фильма о Екатерине Фурцевой); «Медведев присоединился к *Романовым*» (загол., Коммерсантъ Власть, 19.05.08), «*Владимир Красное Солнышко*» (загол., Нов. газ., 2004, № 17 — о В.В. Путине) и т.д.

По соотнесенности с историческим периодом такие наименования делятся на 5 подгрупп: 1) имена и обозначения допетровской Руси; 2) имена и обозначения послепетровской, вплоть до 1917 г., царской России; 3) обозначения, связанные с революционной ситуацией и революцией 1917 г.; 4) обозначения явлений всего советского периода (в последнее время их количество, по сравнению с первыми пятью годами XXI в., опять возросло); 5) обозначения явлений новейшей истории России — перестроечной и постперестроечной: *ГКЧП, Норд-Ост, зачистка, оборотни в..., мигалки, Химкинский лес, поселок Речник, Синие ведерки, Басманный суд, модернизация* и т. д.

По характеру прототипического значения исторические наименования можно разделить на:

а) обозначения артефактов: *трон, булава, корона, мигалки* и т.д.;

б) названия фактов социально-политической жизни: *царь, монарх, царство, опричнина;*

в) прецедентные имена (см. выше);

г) названия прецедентных ситуаций: *Смута, семибоярщина, Юрьев день* (см.: «*Юрьев день* для должников: Депутаты готовятся принять полезный закон. Он снимет все запреты банков на досрочное погашение кредитов» (загол. и подзагол., Арг. нед., 05.02.09); *оттепель, поселок Речник* и т.д.;

д) прецедентные речения. К последним относятся известные, давно ставшие иносказательными и имеющие ярко выраженную историческую маркированность наименования и выражения. Например: «*Око государево*» — образное название, авторство его принадлежит Петру I, учрежденной им же в 1722 г. должности генерал-прокурора (он руководил работой сенаторов). В современных СМИ: «Петр Великий дал добро: "*Государеву оку* близорукость не грозит"» — о работе современной прокуратуры (загол. и подзагол., Веч. Моск., 12.01.07). См. также: «*Завтра. Газета Государства Российского*» — инверсия в атрибутивном словосочетании отсылает читателя к названию знаменитого труда Н.М. Карамзина «История Государства Российского», ставшего символическим обозначением истории нашей страны. А также: «*Путин с нами*» (загол. МК, 25.12.09); «*Вся власть — "регионам":* На Украине сменилось правительство» (загол. и подзагол., Вр. нов., 12.03.10); «Касьянова чепуха: экс-премьер-министр России издал свою "*Малую землю*"» (загол., МК, 25.12.09); *государевы мужи, люди государевы, слуги народа, народные избранники* и т.д.

Слова данной тематической группы образуют, на наш взгляд, в русском литературном языке и в семиотическом пространстве русской лингвокультуры еще один, кроме уже указанных исследователями, четко очерченный культурный код. Назовем его событийно-историческим.

Напомним: культурным кодом принято считать «систему знаков...материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова, 2007, с. 9], причем знаки эти могут быть как невербального, так и вербального характера. В культурные коды объединяются те объекты окружающего нас мира, которые, в силу каких-то своих свойств, обрели, помимо своих прямых функций, функцию знаковую, начали нести добавочные значения [там же]. Так, в архитектурно-домостроительном коде: «*мост* — означает связь, соединение, *распахнутая дверь* — открытость, гостеприимство, *порог* — границу между "своим" и "чужим"» [там же, с. 11]. В.В. Красных определяет культурный код как «сетку», которую культура «набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, с. 232].

По-видимому, элементами культурного кода становятся те объекты и компоненты мира, которые в процессе существования человека и человечества оказывались наиболее значимыми и наиболее наглядными. В.В. Красных говорит о существовании базовых культурных кодов, в которых «фиксированы наивные представления о мироздании» [там же, с. 233], и указывает 6 таких кодов: «1) соматический (телесный); 2) пространственный; 3) временно́й;

4) предметный; 5) биоморфный (растения, животные, бестиарии); 6) духовный» [там же]. В работах В.Н. Телия указано 15 кодов: 1) антропный; 2) зооморфный; 3) растительный; 4) природный; 5) артефактно-вещный; 6) вещно-костюмный; 7) гастрономический; 8) архитектурный; 9) духовно-и/или религиозно-антропоморфный; 10) религиозно-артефактивный; 11) временной; 12) пространственный; 13) количественный (числовой); 14) цветовой; 15) телесный[1] — и высказана мысль, что этот перечень не закрыт.

Отметим, что в каждом из таких культурных кодов (КК) модель мира представлена в ее статике, а эволюция отражается в пополнении некоторых тематических рядов новыми компонентами (например, в вещно-костюмном или гастрономическом рядах). Кроме того, перечисленные коды в основном охватывают значимые явления материального мира (прежде всего то, что вещно, предметно). Между тем можно говорить и о базовых явлениях иного уровня. В процессе жизни и развития социума в культурном пространстве накапливается информация о тех событиях, личностях, реалиях проходящих эпох, которые оказались чем-то особенно примечательными, зафиксировались поэтому в общенациональной ментальности и к которым уже как к знакам регулярно возвращаются в текстах о современности носители современного сознания. Имена этих событий, личностей, реалий и образуют, по нашему мнению, с о б ы т и й н о - и с т о р и ч е с к и й К К.

Подобно элементам других культурных кодов, каждый из компонентов событийно-исторического кода обладает своим кругом ассоциаций, является своеобразной метафорой и символическим обозначением одного или нескольких абстрактных понятий. Например:

— *Малюта Скуратов* — чудовищная жестокость;

— *Петр Первый* — стремление к прогрессу, западничество; воинское и государственное величие;

— *Смута* — безвластие, социально-политическая неразбериха, бедствия народа;

— *Империя, имперский* — величие, пышность, богатство;

— *Двоевластие* —неразбериха в структурах власти;

— *Оттепель* — временный отход от тоталитаризма, демократические свободы, эмоциональный и духовный подъем («время надежд»);

— *Совнарком* — сплоченность участников; некоторая военизированность их действий.

С этим установившимся коннотативно-ассоциативным ореолом и как знак определенного понятия компоненты событийно-

[1] Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007.

исторического КК фиксируются в когнитивной базе, которая является «ядром» культурного пространства[2]. В каждом случае употребления историческое наименование неизменно содержит отсылку к тому конкретному событию, лицу, эпохе, о которых идет речь. Происходит соотнесение настоящего с прошлым и осмысление и оценка настоящего через это прошлое. Таким образом, именно в функционировании компонентов событийно-исторического культурного кода воплощается тот тип восприятия мира, который в научных исследованиях назван континуально-циклическим (противоположен «дискретно-линейному сознанию» [Гудков, Ковшова 2007, с. 61]).

Еще одна черта, сближающая событийно-исторический культурный код с другими КК, — мифологизированность многих его компонентов, прежде всего прецедентных имен и названий прецедентных ситуаций. Мифы, стоящие за ними, запечатлены в массовом сознании, неизменно вызывают архетипические оценки и реакции и так же, как компоненты других КК, способствуют структурированию и категоризации картины мира в ее синхронном состоянии.

Отметим, что некоторые стороны обращения текстов современности к вербализированным фактам истории далеко не полностью описаны в лингвистике. Хотя теория прецедентных феноменов усиленно разрабатывается, нет пока что полного описания тех из них, которые не являются сказочно-литературными, а относятся к реальной истории России. Достаточно широко они представлены в работе В.В. Красных «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» [Красных, 2002]; их там более двадцати, и в Предисловии к словарю «Русское культурное пространство» 2004 г. — 15 исторических обозначений. Прецедентные феномены вторичной — литературно-художественной и сказочно-фольклорной — действительности описаны куда более полно. Но эта вторичная действительность есть отражение того, что происходило и происходит в реальной жизни и в реальной действительности. Поэтому исследование тех фактов языка, которые, обозначая явления истории, превратились в лингвокультуремы, т.е. стали «достоянием культуры» и вобрали «национально-культурный компонент в комплекс элементов значения» [Формановская, 2004, с. 48], весьма актуально.

В чем же заключается специфика воздействия на реципиента знаков событийно-исторического культурного кода в массмедийном дискурсе, в частности в тех текстах, где речь идет о представителях власти?

[2] Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М.: Гнозис, 2004. С. 11.

При употреблении подобных единиц происходит особое распределение акцентов между переносным и прямым значением. Историческая метафора в политическом дискурсе — всегда разновидность исторической аналогии. Поэтому, как при любом сопоставлении, переносное и прямое значение здесь равновелики по важности. В вербально-ассоциативной сети реципиента такая метафора (метонимия) стимулирует сразу две, равноправные по значимости и по силе воздействия цепочки реакций: и от переносного значения (того, кто/что обозначено), и от прямого. Если «произнесение слова подобно нажатию клавиши на клавиатуре представлений» [Витгенштейн, 1994, с. 126], то историческая метафора — это нажатие сразу на две клавиши (аккорд). Означающее — историческое наименование, выбранное в качестве метафоры, — становится таким образом и одним из означаемых в денотативном пространстве текстов о современных событиях, о представителях современной власти.

Например, активизировавшиеся на рубеже XX—XXI вв. *империя, имперский* ассоциируются и в массовом, и в индивидуальном сознании с представлениями: а) о роскоши, богатстве, пышности, парадности; б) о силе, величии, влиятельности. Восстановление этих понятий в коллективной ментальности современной России соответствует назревшей в обществе потребности в возрождении общенационального и личного самоуважения [Суздальцева, 2004].

Или:

— «*Скорее Павел, чем Петр*» (загол., Нов. газ., 2004, № 8) — о В.В. Путине. Здесь актуализируются те дифференциальные признаки, которые определяют в современном сознании смысл лингвокультуремы Павел I: а) концентрированность на военных реформах, укрепление дисциплины в армии; б) укрепление государственного управления, абсолютизация власти (ср. современное: *укрепление вертикали власти*). Одновременно скептические эмоциональные коннотации, традиционно связывавшиеся с правлением *Павла I,* отражают отношение оппозиционного печатного органа к президенту В.В. Путину;

— «*Это была не инаугурация. Это было венчание на царство*» (А. Пивоваров, НТВ, май 2004 г.) — о второй инаугурации В.В. Путина. И воспроизведение этого же исторического представления спустя 4 года в заголовке: «*Инаугурация или коронация?:* начиная с 7 мая 2008 г. в России действует новый Президент РФ Д.А. Медведев» (Мир новостей, 06.05.2008). В вербально-ассоциативной сети оба синонимичных исторических обозначения *(венчание на царство; коронация)* вызывают следующие представления: а) пышность, торжественность; б) общегосударственная значимость. Одновременно акцентируются представления о долге, об осознанной

жертвенности, о служении народу России, свойственные последним императорам из династии Романовых. И устанавливается связь между событиями прошлого и новейшей российской историей.

Разумеется, составляющей, т.е. знаком событийно-исторического культурного кода, становится вербализованное отражение такого исторического лица, события, явления, которое, благодаря каким-то своим качествам, оказалось особо значимым в познавательном, поведенческом, эмоциональном отношении, получило символический смысл. Такой денотат овеян легендами, устойчивыми ассоциациями и фактически обретает качества сигнификата. И слово-обозначение вызывает у реципиента круг всех этих представлений даже вне контекста.

Фактически компоненты событийно-исторического КК и закрепившиеся за ними архетипические реакции являются матрицей восприятия и оценки современных событий и лиц. Причем эти реакции настолько прочны, что затушевать или изменить их очень трудно. И зачастую даже после удавшегося оценочного переосмысления мифа о той или иной личности или о событии, при опоре на психологические потребности общества, эти реакции легко возобновляются. Таковы, например, реакции на слово *царь* и на другие слова, входящие в его семантическое поле.

В российском общественном сознании на протяжении столетий складывался образ *царя* как фигуры сакральной. Этому способствовали: а) конструируемая с конца XV в. идея о Божественном происхождении царской власти на Руси: Иван III в 80-е гг. XV в. утверждал, что царские права даны ему самим Богом[3]; б) строгий запрет на критику царя (см. страшный в допетровской и послепетровской Руси обвинительный юридический термин *Слово и дело!* [Максимов, 2000, с. 245]); в) стихийное чувство русского народа, продиктованное инстинктом самосохранения нации и потребностью в любви и доверии [Колесов, 2007, с. 186].

В восприятии и оценках русского народа идеальный царь — это средоточие могущества и власти, милосердия, мудрости и безгрешности [там же]. В.В. Колесов относит *царя* к одному из выработанных общенациональной ментальностью символических образов [там же, с. 176—177]. *Царь* в дореволюционном сознании — Божий избранник, отсюда типичное, почти религиозное для Руси презрение к самозванству как к греху против Бога, как к святотатству. *Царь* — главный защитник народа, *царь* — это стабильность и порядок. Отсюда — осуждение анархии и неразберихи, осознанное подчинение законам.

[3] См.: *Ключевский В.О.* Энциклопедический словарь русской истории. М.: ЭКСМО, 2008. С. 483.

Все эти представления вербализовались в:

а) паремиологических народных высказываниях — пословицах и поговорках о *царе*: «*На все святая царская воля*» (богоизбранность царя); «*Всякая вещь перед царем не утаится*» (всеведение царя — качество, присущее Богу); «*Государь наш батюшка, надежда православный, белый царь*» [Суздальцева, 2005, с. 43—45]; где *белый* — «чистый, незапятнанный», «народ называет *белым* свою веру, царя и Отечество»[4];

б) в традиционной метафорике существительного *царь*, проявляющейся в устойчивых образных обозначениях и сочетаниях: *Царь небесный, Царь-девица, царь зверей, Царь-колокол, Царь-пушка, Царь-рыба, Царь Дуб, Царский гриб* (на юге; он же: кесарь, цезарь).

Наряду с этим в русской словесности сформировался образ «смешного» царя: простоватого, немного наивного и неумелого, *царя-профана*. Обычно на дочери такого царя женится Иван-царевич или Иванушка-дурачок и сам становится счастливым и добрым царем. Этот образ отражал традиции народной скоморошьей, потешной культуры, стилистику народного лубка.

Весь этот комплекс связей настолько прочно закрепился в общенациональной ментальности, что остается доминирующим в реакциях на слово *царь* и сейчас (несмотря на 70-летнюю официальную доктрину осуждения царизма и царя). Очень интересны и показательны в этом отношении данные двухтомного «Русского ассоциативного словаря» Ю.Н. Караулова, Г.А. Черкасовой и др. Здесь из 107 реакций современников на слово *царь* подавляющее большинство положительного свойства (негативных реакций всего лишь 8). И среди этих положительных реакций есть, например: *Бог, корона, великий, власть, горы, грозный, вселенной, всемогущий, история, небесный*[5] и некоторые другие слова, так или иначе связанные с представлением об исключительности, величии и всемогуществе. Здесь содержатся и отдельные юмористические либо относящиеся к юмористическо-комедийным образам реакции: *Горох, дурак, бездельник, глупый, идиотов, Максимилиан* и даже *урод*[6]. Однако их немного — всего 7.

Выявленные ассоциации и представления присутствуют всегда в совокупности, в том числе и в таких воспринимающихся как шутливые или иронические заголовки: «*2 марта народ выбирает царя*» (Нов. газ., 06.03—12.03,2008) — о Д.А. Медведеве; «*Как живет царь*» — о В.В. Путине и его резиденциях в Барвихе и в Сочи

---

[4] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1999. С. 153.

[5] *Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др.* Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М.: АСТ: Астрель, 2002. С. 714.

[6] Там же. С. 741.

(радио «Говорит Москва», 26.06.08); «*Новый царь*» — о Д.А. Медведеве (Коммерсантъ Власть, 19.05.08); «*младший царь*» — о нем же (МК, 04.04.08); «*Давос выбрал Путина на* "*царство*"» (Арг. нед., 22—28.01.09) и т.п.

Или прецедентное имя *Сталин*. Для части россиян миф о Сталине и ассоциирование его с величием и могуществом Советского Союза (воинским, патриотическим, индустриальным) все-таки оказались прочнее негативных реакций на разоблачения чудовищных репрессий и других злодеяний сталинского режима. По-видимому, именно этим объясняется победа Сталина в ТВ-проекте «Имя Россия» в июле 2008 г.: психологическая потребность в национальном самоуважении как необходимом основании личного самоуважения помогла найти в когнитивной базе то имя, которое в течение 30 лет позиционировалось как чуть ли не единственное удовлетворяющее эту потребность.

* * *

Какую же роль играют компоненты событийно-исторического культурного кода в плане имиджетворческом?

1. Многие знаки событийно-исторического культурного кода полисемичны. Таково, например, проанализированное выше существительное *царь*. Оно способно служить выражению иронического отношения. Коммуникативный результат этой насмешливости — «понижение» того, кто назван. Но ирония — это то, что лежит на поверхности. Причем часто в современных СМИ ирония оказывается не способом выражения оценки, а способом самомаскировки: помогает скрыть отказ от оценки.

2. Намного важнее другая сторона: в семиотическом пространстве политического дискурса исторические наименования являются сложными знаками, которые обеспечивают идентификацию событий и персон современности с фактами и персонами прошлого. Таким образом, они участвуют в конструировании имиджа государственного, политического деятеля и в создании общего представления о власти. Еще в IV в. до н.э. Аристотель в своей «Риторике» остроумно заметил: «Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другими... Следует сравнивать человека с людьми знаменитыми, потому что, если он окажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют» [Аристотель, 2007, с. 137]. Конечно, не место красит человека, а человек красит место. Однако фон, на котором позиционируется данная персона, и общекультурный, и предметный, играет важнейшую роль в создании имиджа. Это то, что в исследованиях по

имиджелогии называют методом «косвенной коммуникации», когда «нужное сообщение передается путем насыщения контекста лидера знаками того сообщения, которое нужно передать» [Почепцов, 2004, с. 220]. В вербальном плане такими символами, имплицитно повышающими статус изображенного деятеля, являются в том числе компонтенты событийно-исторического кода: ведь в общенациональной культурной памяти и соответственно в когнитивной базе — «ядре» культурного пространства — запечатлеваются только к р у п н ы е, з н а ч и т е л ь н ы е в каком-либо отношении фигуры, события. Соотнесенные с личностями и фактами современной истории, они дополняют их своим содержанием.

Иногда используемые в СМИ исторические обозначения вообще лишены каких-либо иронически-негативных нюансов. Таковы, например, из приведенных выше: *Солдат империи* (патетическое); *венчание на царство* (высокое и поэтическое); *коронация*. См. также названия передовой статьи в газете «Завтра»: «*Крейсер* "*Иосиф Сталин*"» (Завтра, январь 2004, № 4), где актуализация мифа о Сталине осуществляется за счет использования отсылки к безусловно положительному, героизированному мифу о крейсере «Варяг». С помощью тех знаков, которыми являются исторические обозначения, современные лидеры вводятся в общий историко-культурный контекст России. И в конечном итоге подобные сопоставления способствуют повышению авторитета власти.

Есть еще одна сторона — общекультурная. Одной из функций знаков в политическом дискурсе является и н т е г р а ц и я о б щ е с т в а, н а ц и и [Шейгал, 2004, с. 117]. (Сходную мысль о месте символа в синхронии и диахронии культуры высказывал Ю.М. Лотман: «Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства, осуществляя память культуры о себе» [Лотман, 2004, с. 241]). Поэтому главенствующей, по нашему мнению, функцией исторических метафор является и н т е г р а ц и я и с т о р и и этой нации. Благодаря введению их в текстовое пространство СМИ, в р е м я как категория диахроническая, процессуальная становится к а т е г о р и е й с о-б ы т и я́ в пределах культурного пространства данного народа. В этом одна из особенностей хронотопа политических текстов массмедиа. Настоящее невозможно без прошлого, так как именно прошлое, все его слои, составляют культурную матрицу народа. Настоящее же всего лишь наносит еще один слой на эту матрицу. И компоненты событийно-исторического кода помогают восстановить эту частично затушеванную матрицу в сознании массовой аудитории современной России.

Список литературы

Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука-Классика, 2007.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.

Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2007.

Красных В.В. Этнопсихолингвистка и лингвокультурология. Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002.

Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // М.Ю. Лотман. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2004.

Максимов С.В. Крылатые слова. М.: Астрель, 2000.

Почепцов Г.Г. Имиджелогия. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рефл-бук: Киев: Ваклер, 2004.

Суздальцева В.Н. Образ власти в пословицах и поговорках русского народа (когнитивно-семантический аспект) // Журналистика и культура русской речи. 2005. № 3.

Суздальцева В.Н. О лексике «имперской» тематики // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 3—4.

Формановская Н.И. Контекст и выбор личного имени // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 1.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Принятые сокращения

АиФ — Аргументы и факты, Арг. нед. — Аргументы недели, Веч. Моск. — Вечерняя Москва, Вр. нов. — Время новостей, загол. — заголовок, МК — Московский комсомолец, назв. — название, Нов. газ. — Новая газета, Нов. Изв. — Новые Известия, Общ. газ. — Общая газета, подзагол. — подзаголовок, РР — Русский репортер, РСН — Русская служба новостей, ТВ — телевидение, телевизионный.

Поступила в редакцию
21.12.2010